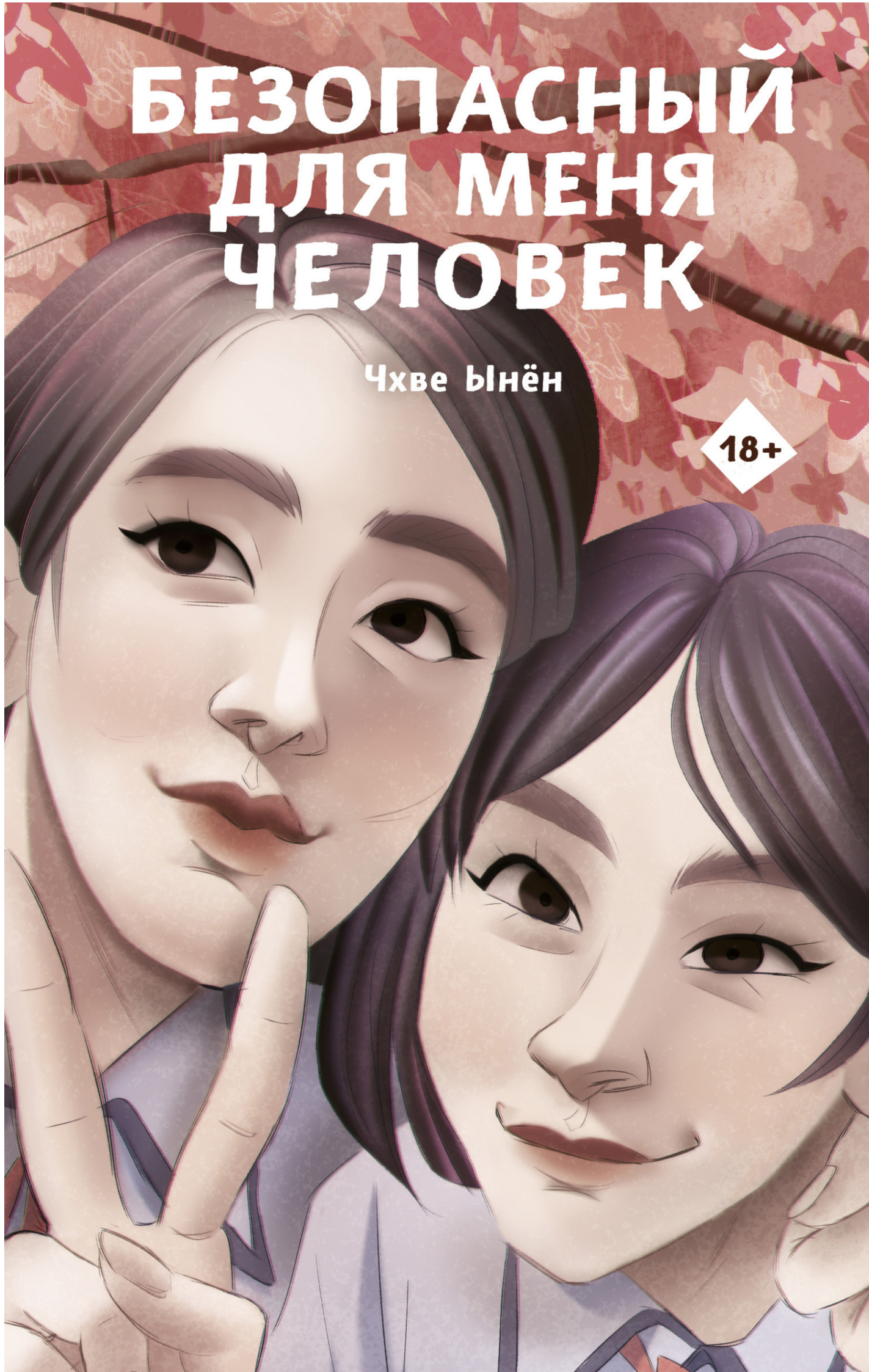

БЕЗОПАСНЫЙ ДЛЯ МЕНЯ ЧЕЛОВЕК

Чхве Ынён

18+

К-Драма

Чхве Ынён

Безопасный для меня человек

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.531-32(519.5)
ББК 84(5Кор)-44

Ынён Ч.

Безопасный для меня человек / Ч. Ынён — «Издательство АСТ»,
2018 — (К-Драма)

ISBN 978-5-17-135507-4

В сборнике представлены семь рассказов популярной корейской писательницы Чхве Ынён, лауреата премии молодых писателей Кореи. Эти небольшие и очень жизненные истории, словно случайно услышанная где-то, но давно забытая песня, погрузят читателя в атмосферу воспоминаний и размышлений. «Хорошо, что мы живем в мире с гравитацией и силой трения. Мы можем пойти, остановиться, постоять и снова пойти. И пусть вечно это продолжаться не может, но, наверное, так даже лучше. Так жить лучше», – говорит нам со страниц рассказа Чхве Ынён, предлагая посмотреть на жизнь и проникнуться ее ходом, задуматься над тем, на что мы редко обращаем внимание, – над движением души и переживаниями событий.

УДК 821.531-32(519.5)

ББК 84(5Кор)-44

ISBN 978-5-17-135507-4

© Ынён Ч., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

То лето	6
601, 602	27
Уходящая ночь	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Чхве Ынён

Безопасный для меня человек

© ## ### ## © 2018 ###

© All rights reserved.

© Губаева А. Р., перевод на русский язык, 2021

© Брагина М. Р., художественное оформление, 2021

© ООО «Издательство АСТ», издание на русском языке, 2021

* * *

То лето

1

Все началось в их семнадцатое лето.

Знакомство Игён и Суи едва не обернулось несчастным случаем. Игён шла через школьный стадион, когда ей прямо в лицо вдруг угодил футбольный мяч. Удар был настолько сильный, что оправа ее очков треснула, а из носа потекла кровь. Чтобы загладить свою вину, Суи повела ее сначала в медпункт, а потом они вместе пошли в магазин оптики. Получив отремонтированные очки, Игён вновь надела их и взглянула на Суи. В тот миг она почувствовала то же, что и в самый первый раз, когда увидела мир сквозь стекла с диоптриями.

Прежде ей всегда казалось, что ветви деревьев просто коричневые, и лишь глядя на них через очки, Игён обнаружила, что они имеют сложный узор из серых полос и пятен. Тянущиеся к небу листья, как выяснилось, не мутно-зеленые, а скорее салатовые, яркие, сплошь пронизанные тонкими нежными жилками. Мир в один миг обрел четкие контуры, и у Игён от неожиданности закружилась голова – земля будто норовила выскользнуть у нее из-под ног. Теперь, снова надев очки и увидев лицо Суи, она почувствовала себя так же.

Казалось, даже солнце светило по-особенному, когда они вышли вдвоем из оптики. Побродив по городу, они поднялись на мост и остановились. Июльский воздух дышал жаром, но от утекавшей куда-то под мост реки веяло свежестью и приятной прохладой. После недавних дождей вода в реке поднялась, а растения, крепко уцепившиеся корнями за дно, разрослись и стали темнее. Почти черные, они словно покрыли всю реку.

Суи перегнулась через перила и стала рассматривать воду. Она выглядела такой сосредоточенной, что Игён никак не решалась заговорить. Птица с длинными крыльями кружила над бурлящим потоком воды.

– Что это за птица? – спросила Игён.

– Вон та большая?

– Ага.

– Серая цапля. – Суи посмотрела на нее с таким видом, будто только что очнулась от сна. Ее лицо было темным от загара, губы обветрились, а глаза блестели.

Они стояли на мосту и разговаривали. Точнее, Игён задавала вопросы, а Суи отвечала. Они учились в параллельных классах: Игён – в гуманитарном, а Суи – в физкультурном. Игён жила на улице Инхын, а Суи – в районе улицы Когок.

– Мы бы, наверное, никогда не познакомились, если бы не мой мяч! – засмеялась Суи.

«Красивый голос», – подумала Игён. Всю дорогу домой этот голос звучал у нее в голове.

На следующий день Суи стояла у входа в класс номер два с небольшим пакетом клубничного молока в руках.

– Ничего не болит? – Суи протянула Игён молоко и смущенно улыбнулась.

– Нет.

На этом их короткая беседа закончилась, и Суи убежала на тренировку.

Всю неделю она приходила к классу Игён и приносила клубничное молоко.

– Не болит?

– Нет, конечно! – смеялась Игён.

Когда она шла в школу, все ее мысли были заняты Суи: «Придет ли она сегодня снова к кабинету? А если нет?» И убеждала себя, что не нужно расстраиваться, если они вдруг не встретятся.

Из окна ее класса был виден стадион, на котором ребята играли в футбол. Игён украдкой поглядывала в окно и среди множества фигур в одинаковых спортивных костюмах и с одинаково убранными волосами с легкостью находила Суи. Вот Суи пытается отдышаться, пробежав несколько кругов по стадиону, а вот она с серьезным видом пасует кому-то мяч.

Наступила суббота. Игён возвращалась домой после дежурства в классе. На мосту, облокотившись о перила, в белой футбольной форме и кроссовках стояла Суи. Игён смутилась и уставилась себе под ноги, не зная, как по-другому скрыть свою неловкость. Когда она приблизилась к мосту, Суи негромко позвала ее:

– Ким Игён!

Игён подняла глаза и посмотрела на Суи. Нужно было что-то сказать, но от волнения она не могла выдать ни слова.

– Ты домой? – спросила Суи.

– Да.

– Почему так поздно?

– Я сегодня дежурила.

– Ты уже обедала?

– Нет.

– Может, тогда сходим поедем? – выпалила Суи, не глядя на Игён.

Игён заметила неуверенность на ее лице, нарочито громкий голос и странные короткие фразы. На мгновение она задумалась и демонстративно спокойно ответила:

– Куда пойдем?

Они поели лапшу и, взяв по стакану фруктового льда с сиропом за триста вон, вышли на улицу.

– Может, погуляем? – предложила Суи.

Они прошли несколько километров вдоль берега реки, а потом сели на бетонную лестницу, подложив под себя рюкзаки. Со ступенек открывался вид на высокую дамбу. Свежий ветер обдувал их вспотевшие от жары лица. Вода в реке была такой спокойной, что невозможно было понять, в какую сторону она движется.

Они смотрели на бетонную дамбу и молчали. Жужжали цикады, на ноги то и дело забирались крохотные, едва заметные муравьи, а из-под провалившейся ступеньки тянулись и щекотали кожу длинные травинки. Школьная юбка Игён липла к вспотевшим бедрам. Игён повернулась к Суи. Суи смотрела на нее, подперев подбородок ладонью.

– У тебя, оказывается, глаза карие, – сказала она.

– В детстве меня за это дразнили, говорили, глаза ненастоящие, – произнесла Игён и поняла, что у нее дрожит голос.

– А тебя это волнует?

Игён отрицательно покачала головой. Но она слухавила: раньше она не любила, когда кто-то вдруг замечал цвет ее глаз и начинал говорить об этом. Фальшивые глаза. Странные.

Суи не отводила взгляд. Впервые кто-то смотрел на Игён так пристально. «Неужели можно смотреть на кого-то так долго? Без всякого выражения, просто молча смотреть», – задумавшись об этом, Игён поймала себя на том, что сама все это время не сводила глаз с Суи.

Они не держались за руки и почти не касались друг друга, но тело Игён трепетало даже оттого, что Суи просто была рядом. Голова шла кругом, внутри все переворачивалось, будто она повисла вниз головой на турнике. Когда они впервые взяли за руки, Игён подумала, что на свете не может быть ничего лучше. А когда они впервые обнимались, спрятавшись в дальнем углу кладовой, Игён благодарила каждую частичку своего тела и была уверена, что даже перед смертью будет вспоминать этот день.

Так и прошло их первое лето. Все свободное время они проводили вместе, встречаясь после тренировок Суи и дополнительных занятий Игён. Было сложно прятаться по закуткам каждый раз, когда хотелось прикоснуться друг к другу, но они решили эти сложности тем, что стали встречаться у Игён, когда дома никого не было.

Они подолгу целовались. Теряли счет времени, отдаваясь вкусу поцелуев, прикосновениям губ, языка, чувствуя вырывавшееся из маленьких ноздрей сладковатое дыхание друг друга. В такие моменты было неважно, где заканчивается одно тело и начинается другое, кто здесь «я», а кто «ты». Они были едины, как волны, как лепестки одного цветка. «Мы – это наше дыхание, – думала Игён. – Одно дыхание на двоих, взмывающее вверх и срывающееся в пропасть».

Они часто дремали вместе, точно близкие сестры. Суи любила наблюдать за спящей Игён, а Игён сквозь сон чувствовала взгляд ее черных глаз. Устроившись на одной подушке, они смотрели друг на друга, и Игён видела в зрачках Суи отражение своих, а в них – снова лицо Суи. Когда они утопали в теплом плену их глаз, слова были не нужны.

Игён слышала, что есть женщины, которым нравятся женщины. Что такое «лесби» и в каких случаях произносят это слово, она узнала еще в младших классах. В разговорах одноклассников оно звучало с оттенком отвращения и страха, словно речь шла о каких-то грязных, нелепых, смешных существах, которые прячутся по темным углам. Тогда Игён еще ничего о себе не знала, но в отличие от остальных ребят насмеяться над «лесби» ей не нравилось.

С Суи Игён будто родилась заново, в новом теле, которое по-другому воспринимало окружающий мир: пейзажи перед глазами, свое собственное дыхание, казалось, даже температуру воздуха она ощущала более тонко. Все органы чувств будто сбросили скорлупу. Мир был пустым и тусклым до встречи с Суи, но теперь он изменился.

Суи же вела себя очень осмотрительно и постоянно твердила, что им нужно быть осторожными. Нельзя идти слишком близко, нельзя держаться за руки, нельзя прижиматься друг к другу, сидя на стадионе. Игён часто забывала об этом и, словно притянутая магнитом, то и дело нарушала дистанцию и приближалась к Суи. «Прекрати!» – сквозь зубы цедила Суи. Вытирая слезы, Игён провожала взглядом ее удаляющуюся спину. В такие минуты она чувствовала себя отвергнутой и ненужной. Иногда она сама разворачивалась и, не попрощавшись, уходила домой. Эта осторожность стала поводом для частых ссор. Как-то раз они поругались из-за того, что Игён решила рассказать одной из подруг про их отношения:

– Я не скажу ей, с кем встречаюсь!

– Думаешь, никто не догадается, что это я?

Во время ссор Суи буквально багровела от злости и подолгу не разговаривала с Игён. Но она же первой приходила мириться.

Позже Суи рассказала, что ей часто снились кошмары о том, как все отворачиваются от нее, когда узнают, кто она есть на самом деле. Еще в детстве она поняла правду о себе, задолго до того, как узнала, что на свете есть и другие такие женщины.

– Бывает, я сама себя боюсь, – призналась Суи.

Никогда еще она не была так откровенна.

Прошел месяц с начала их отношений. Они стояли на мосту, облокотившись на перила, и разговаривали. Вдруг Игён почувствовала на себе чей-то взгляд. К ним приближалась высокая девушка. Она не сводила глаз с Игён и странно улыбалась. Эта улыбка больно уколола Игён.

– Вы что, лесбиянки? – бросила девушка, хмыкнув.

Проходя мимо, она толкнула Суи в плечо и направилась дальше по своим делам. От удара Суи повело в сторону, и она едва не упала на Игён. Они не проронили ни слова, пока девушка совсем не скрылась из вида. Суи изо всех сил сжимала пальцами перила. Красная до кончиков ушей, она натянуто улыбнулась Игён.

– Ты ее знаешь?

– Знакомая из средней школы, – тихо ответила Суи.

Больше они не касались этой темы, будто ничего не произошло, но этот случай сильно ранил обеих. С Суи обошлись так, будто она не человек. Тогда Игён поняла, что Суи была права в своих опасениях.

В то лето Игён впервые задумалась, как должно быть здорово ездить на скутере вдвоем.

– Да ты бандитка, едешь на такой штуковине! – смеялась Суи, глядя, как Игён вывозит скутер из гаража.

– Почему сразу бандитка?

– Вечно ты выкидываешь какие-нибудь фокусы.

– От тебя научилась!

– Какая плохая девчонка!

Игён нравилось слово «плохая». С Суи она могла быть сколько угодно «плохой», и ей хотелось раскрыть и такую свою сторону. Они сели на скутер и поехали по самому длинному маршруту к общежитию для футболистов, где жила Суи.

В тяжелые моменты Игён до сих пор часто вспоминает ту поездку. Она помнит запах реки и мокрой травы, который сопровождал их в пути, помнит тарахтение старого двигателя и теплые руки, обнимавшие ее за пояс. Она помнит, как Суи отказывалась слезать с сиденья, когда они приехали, смешное выражение ее лица и ее силуэт, уменьшавшийся в зеркале заднего вида, когда Игён уезжала домой.

Узнав, что такое любовь, Игён стала понимать многое, чего раньше объяснить не могла. Уверенность в чувствах Суи придавала ей отвагу, и ее уже не заботило, что подумают или скажут о ней другие.

В старших классах ей приходилось красить волосы в черный цвет, потому что ее натуральный каштановый оттенок не соответствовал школьным предписаниям. Когда корни отрастали, ее вызывали к завучу и делали выговор.

– Так у тебя и глаза карие?

Глядя на недовольное лицо завуча, Игён больше не чувствовала себя униженной. «Тебя просто никто не любит, вот ты и злишься. А таких злюк не любит никто», – мысленно смеялась она.

Пришла короткая осень, а затем настала длинная зима. Игён и Суи стали задумываться о будущем. Они обсуждали, что после выпуска могут переехать в другой город и жить вместе. Суи говорила, что разбогатеет, когда станет взрослой, что войдет в университетскую футбольную команду, займется спортивным бизнесом и когда-нибудь откроет свое дело.

Игён казалось, что Суи совсем себя не берегла. Помимо обычных тренировок она ходила в зал и занималась сама даже в выходные, перед их свиданиями.

Женские футбольные команды были не в каждой старшей школе, поэтому Суи часто приходилось играть с мужскими командами из школ среднего звена. В такие дни Суи всегда возвращалась с тренировок мрачной. Причину ее плохого настроения Игён узнала спустя некоторое время. Оказалось, что мальчишки позволяли себе трогать девочек во время игры. Вся женская команда от этого страдала, но никто не хотел поднимать шум, и спортсменки лишь бросали мальчишкам ругательства.

Когда Суи пожаловалась тренеру, он пришел в ярость:

– Ты футболист? Вот и играй в футбол, тренируйся, а в остальные дела не лезь. У мальчишек природа такая, они же просто заигрывают с вами! На заигрывания будете обижаться?

Суи долго думала над словом «заигрывают».

– Это подло, – жаловалась она Игён. – «У мальчишек природа такая!» Он же просто оправдывает тех, кто позволяет себе издеваться над теми, кто слабее! А мы даже сказать ничего не можем!

Игён не знала, что ответить. Ей было обидно до слез, хотелось броситься в спортзал и дать хорошего пинка и тренеру, и всем этим мальчишкам. Переполненная злостью и досадой, Игён вдруг поняла, что Суи постоянно приходится испытывать такие эмоции. Стоит ли ее футбол таких переживаний? Стоит ли терпеть, пока под видом тренировок тебя до синяков шлепают по бедрам? Неужели так необходимо выслушивать унижения от тренера?

– Суи, подумай, если тяжело, может, бросишь? Не хочу, чтобы ты так мучилась, – говорила Игён.

Как-то раз Игён пришла посмотреть матч. Сидя на ветреном полупустом стадионе, она наблюдала за бегавшей по полю Суи. Напряженные взгляды футболисток были прикованы к мячу. До конца основного времени счет оставался 0:0, но во время овертайма соперницы забили гол, и матч закончился. Игён с тяжестью на сердце наблюдала за происходящим. Ей не нравилось смотреть, как Суи едва дышит после двух таймов и дополнительного времени, а голос кричавшего на нее тренера был отвратителен.

Суи была полузащитницей, и во время матча у нее не было ни секунды, чтобы отдышаться. Она не сводила глаз с мяча, но не смогла отразить атаку нападающей, и команда противника выиграла. Силы казались равными, но из всех двадцати двух спортсменок на поле Суи в тот день выглядела самой слабой. Тренер не произвел замену, а будто в наказание оставил ее на поле в таком состоянии до конца матча. Суи наверняка было еще тяжелее от мысли, что Игён видит ее такой.

После той игры Суи стала тренироваться еще усерднее. Игён было сложно поощрять ее стремления, ведь сама она никогда серьезно не задумывалась о том, кем хочет стать. Если цель так сложно достичь, не лучше ли просто переключиться на что-то другое? Зачем изнурять себя тренировками и получать оценки за игру, исход которой зависит от команды, а не от одного человека?

– Брось, если тяжело!

– Думаешь, я могу? А?

– И все-таки...

– Ты ничего не понимаешь!

Суи разозлилась и ушла домой. Несколько дней они с Игён не разговаривали.

Теперь Игён все понимает. Проблема была не в том, что Суи сделала выбор в пользу футбола, а в том, насколько ограничена была ее возможность выбирать. Она ухватилась за футбол как за ниточку, которая могла вывести ее к нормальной жизни. Игён тогда не понимала этого и твердила о выборе, ведь у нее самой было гораздо больше возможностей обеспечить себе стабильное будущее.

Еще в девятом классе Суи повредила крестообразную связку. Она прошла реабилитацию и бережно относилась к своему колену, но в выпускном классе связка порвалась снова. Это случилось во время матча с мужской командой из средней школы. Кто-то из мальчишек «безобидно» пошутил, а в результате Суи сильно пострадала. Выслушав заключение врача о том, что в футбол она больше играть не сможет, Суи забрала вещи из общежития для спортивной команды и вернулась в родительский дом.

Игён пыталась поставить себя на ее место, чтобы осознать масштаб этой потери, но ей не хватало воображения. Она ругала себя за бесполезность и глупость. Все, чем она могла помочь Суи, – это катать ее на скутере. Игён часто останавливалась на мосту, и они смотрели на бегущую воду.

Вечерняя река отливала металлическим блеском, а длинная трава вздымалась от ветра, точно перья какой-то птицы.

– Как-то странно становится, если долго смотреть.

– Куда смотреть?

– На реку. Так много воды.

– Ага.

– Такое странное ощущение.

– Страх?

Суи отрицательно покачала головой. Двумя руками она держалась за перила. Ее направленный на реку взгляд был пустым. Она смотрела на воду, но как будто ничего не видела, словно была очарована страхом. Она ни разу не повернулась к Игён. Ее взгляд не отрывался от бурлящей воды.

2

Весной, когда им было по девятнадцать, Игён и Суи переехали в Сеул. Игён поступила на экономический факультет в университет в самом центре Сеула, а Суи пошла в техникум на северной окраине города учиться обслуживанию и ремонту автомобилей. Родители Суи не помогали ей деньгами даже на необходимые траты. Игён получила место в общежитии, а Суи пришлось начать свою взрослую жизнь в крохотной комнате, где умещалась лишь кровать, поскольку денег на арендный залог у нее не было и ничего лучше она себе позволить не могла.

Комната Суи была сырой и душной, поэтому Игён, страдавшая аллергической астмой, не могла оставаться у нее надолго.

– Все хорошо, – уверяла она, шмыгая носом, вытирая глаза салфетками и кашляя уже через несколько минут.

Суи не смела настаивать на том, чтобы Игён задерживалась у нее, поэтому времени на объятия и прикосновения, не говоря уже о том, чтобы вместе спать, им постоянно не хватало. Ожидания от переезда не оправдались. Они мечтали о том, что будут жить вдвоем, когда уедут наконец из родного города, но все лишь усложнилось. Суи училась и подрабатывала в забега-ловке. Игён, регулярно получавшая от родителей деньги и на оплату обучения, и на карманные расходы, не знала, как себя вести. В конце концов она тоже устроилась официанткой в кафе рядом с университетом, но только для того, чтобы немного подкопить. В отличие от Суи, для нее подработка не была необходимостью.

Из-за учебы и работы Суи постоянно была занята. Она с трудом выкраивала время, чтобы поговорить с Игён по телефону, но на личные встречи его не хватало. Игён писала ей сообщения, но ответы на них приходилось ждать часами. Лежа на своей кровати, Игён мечтала вернуться в те дни, когда они были неразлучны. Поняв, что значит скучать по любимому человеку, Игён познала еще одно лицо одиночества. Она снова и снова вспоминала их беспечные катания на скутере и школьные мечты о свободе и взрослой жизни. Закрывая глаза, она видела Суи, бегущую по стадиону в белой футбольной форме. Это было всего два года назад, но Игён казалось, что с тех пор прошла целая вечность.

Наступили первые летние каникулы в университете. Для Игён они начались с катания на велосипеде по берегу Хангана и первого похода в бар, где собирались лесбиянки. Игён звала с собой Суи, но та отказала, добавив, что у нее нет времени и что, даже если бы оно было, она бы все равно не пошла.

– Есть ты и я, мне этого достаточно. Не вижу смысла ходить в такие места.

Игён часто ждала Суи у техникума. От общежития на автобусе дорога занимала полтора часа, но, когда Игён хотела видеть Суи, утомительный путь ее не пугал. После занятий они

шли в недорогое кафе и ели рис с омлетом или кимчи. Игён молча смотрела на короткие ногти освещенной тусклым светом Суи. Ее волосы и футболка были мокрыми от пота.

Игён всегда казалось, что для Суи в сутках гораздо больше двадцати четырех часов. Занятия спортом сформировали в ней привычку подходить к любому делу с полной отдачей. Она не давала себе расслабляться ни на день, никогда не жаловалась и не просила помощи. Игён знала, что Суи не признается, даже если ей будет очень тяжело.

– Ты не слишком устаеть?

– Нет, мы пока только учимся, – ответила Суи и набросилась на рис с омлетом.

– Не торопись, ешь помедленнее. Отдохни хоть за ужином!

Суи ничего не ответила, только улыбнулась.

– У тебя деньги-то есть?

– Побольше, чем у тебя, – Суи подмигнула.

Игён вдруг подумала о ребятах, с которыми познакомилась в университете. О тех, кто сначала выпивал слишком много, а потом со слезами на глазах начинал что-то рассказывать и вдруг ни с того ни с сего выкладывал всю историю своей жизни – они изливали душу и раскрывали все свои слабости без намека на смущение. Такие люди поражали Игён своей открытостью. Она внезапно поняла, что совсем ничего не знает о Суи, которая ни разу не пожаловалась на боль, когда порвала связку, и не поделилась печалью, когда ей пришлось бросить свою мечту.

– Не забывай, если тебе тяжело, ты всегда можешь поговорить со мной.

– Да не так уж мне и тяжело, к тому же учиться интересно.

– Суи!

– Давай после экзаменов съездим куда-нибудь. Помнишь, ты говорила, что хочешь к морю?

По телевизору шел матч Кореи с Германией. Тем летом все только о чемпионате мира и говорили. В кафе, в барах, на улице – везде крутили повторы футбольных матчей. Игён всегда садилась так, чтобы Суи оказалась к экрану спиной, говорила на интересные для нее темы и вела себя так, будто не слышит телевизора. Казалось, весь мир сговорился и пытался разбередить еще не зажившие раны Суи.

– Следующий чемпионат мира пройдет в Германии, – вдруг сказала она.

– Да?

– Поехали вместе? Тогда у нас обеих уже деньги появятся, а летом как раз отпуск можно будет взять.

– Хорошо.

– Ты пообещала! – Суи улыбнулась.

Игён показалось, что за ее улыбкой промелькнул страх. Чего боится Суи? За свое будущее? Или беспокоиться о деньгах? Или за их отношения? Или боится сразу за все? Суи всегда говорила только о будущем, словно хотела отдалиться от своего прошлого и настоящего. Ее интересовало только то, что будет потом – когда она поступит в университет, когда станет самостоятельной. Даже сейчас она строила планы на четыре года вперед. Только будущее, в котором Суи была так уверена, не раз обманывало ее.

Игён предложила съездить на неделю к родителям. Суи отказалась, сославшись на подготовку к выпускным экзаменам, но Игён догадывалась, что это не главная причина. Суи всегда избегала разговоров о своей семье.

Маленький городок был окутан их воспоминаниями. Здесь их история длилась всего полтора года, но в памяти Игён осталась только она, шестнадцать долгих лет до встречи с Суи были забыты. Мост, школьный стадион, улицы... Если бы не Суи, все это осталось бы фоном к одинокой дороге домой с рюкзаком на плече и школьным обедом в руках.

Игён села на скутер и поехала к дамбе. Побережье находилось всего в четырех километрах от города, но было самым далеким местом, куда они могли пойти в те времена. Только здесь они чувствовали себя по-настоящему свободными. Суи садилась на ступеньки, а Игён клала голову ей на колени. Иногда было наоборот, и Суи лежала на коленях у Игён. Однажды Игён, снизу-вверх глядя на небо и лицо Суи, вдруг почувствовала, что когда-нибудь они перестанут приходить сюда вместе.

Именно здесь Суи больше всего рассказывала о себе, о своих чувствах и мыслях. Если Игён хотела что-то узнать, то могла просто спросить. Суи игнорировала лишь вопросы о семье, а в остальном была откровенна. Почему она начала заниматься футболом, кто ее любимый учитель, с кем она дружила в детстве, какие мысли вертелись у нее в голове, когда она впервые разговаривала с Игён на мосту, как сильно она скучала по ней после их встречи – на берегу реки Суи рассказывала обо всем.

Когда Суи перестала делиться с ней всем этим? В какой-то момент она будто разучилась говорить о себе. Даже когда повредила ногу и узнала, что не сможет больше заниматься футболом, Суи ничего не сказала. Не поделилась своими мыслями она и тогда, когда решила учиться на автослесаря.

– Почему ты хочешь этим заняться? – спросила тогда Игён, но Суи просто пожала плечами в ответ.

Сидя на ступеньках, Игён признала ту правду, от которой отворачивалась с момента переезда в Сеул: «Значит, мне все-таки одиноко рядом с тобой. Все это время я чувствовала себя так, будто говорю со стеной. Я хотела узнать тебя, хотела задать тебе тысячу вопросов, хотела делить с тобой мысли и чувства! Но ничего так и не вышло».

Хозяйка бара посоветовала Игён зарегистрироваться на закрытом форуме. Оставаясь одна в общегитии, Игён читала чужие истории, переписывалась с участницами и постепенно понимала, что может чувствовать близость не только с Суи, но и с другими людьми. Однажды она набралась смелости и впервые пошла на офлайн-встречу. В баре собрались женщины самых разных профессий и возрастов, они выпивали, общались, и вместе с ними Игён впервые почувствовала, что здесь может быть собой. С Суи ей не хватало этой свободы.

Новые знакомые были настроены дружелюбно, никто не делал ей неприятных намеков, никто не поучал ее и не высмеивал. Казалось, им было действительно интересно в ее компании. Суи совсем не пила спиртного, а новые знакомые Игён выпивали вместе с ней до самого рассвета. Вино помогло ей преодолеть робость, она смеялась даже над простыми шутками и хотела обнять каждую из сидевших рядом новых подруг. Думая в тот вечер о Суи, она скучала по ней, но до слез на нее обижалась.

Игён подружилась с Нуби. Ей было двадцать три, она работала веб-дизайнером, носила блузки без рукавов, длинные однотонные юбки и собирала волосы черной резинкой. Игён уже забыла ее лицо, но до сих пор отчетливо помнит ее спину и тот ритм, в котором на каждый шаг покачивался подол ее юбки и волосы в высоком хвосте.

Игён и Нуби сидели в баре до закрытия. Даже когда все начинали расходиться по домам, они жевали оставшиеся закуски и продолжали болтать обо всем на свете. Их дома находились на расстоянии двух станций метро, поэтому первый поезд они ждали вместе и под утро коротали время за рамёном в круглосуточном магазинчике.

– Когда познакомишь нас со своей девушкой?

– Как-нибудь приведу ее.

– Она тебя не ревнует?

– Нет, Суи не из таких. Она занята своими делами.

– Съешь еще, вот, – Нуби переложила в тарелку Игён немного лапши.

– Суи такая...

Игён оборвала себя на полуслове. Ей было непривычно говорить с кем-то о Суи.

– Такая закрытая. Она ничего мне не рассказывает, даже ни разу не плакала при мне.

Нуби не была настолько близкой подругой, чтобы обсуждать с ней личную жизнь, но, начав, Игён уже не могла остановиться.

– Конечно, это не потому что она мне не доверяет. Но я все время думаю, что было бы, если бы с ней была не я, а кто-то другой? Не открылась бы она кому-то более зрелому, более чуткому, чем я? Ей, наверное, так одиноко... А мне больно от того, что я ничего не знаю. Вот о чем она сейчас думает?

Игён постоянно прокручивала эти мысли в голове, но, произнесенные вслух, они вдруг показались ей несерьезными.

– С моей бывшей мы встречались пять лет. Познакомились на форуме. Сейчас расскажу тебе то, чего никто не знает, – Нуби устало улыбнулась. – Довольно сложно быть вместе так долго. К тому же мы встретились совсем юными. Все делали вместе, я открылась перед ней вся.

Улицы за окном магазина становились светлее.

– А она – передо мной. Конечно, я не могу быть абсолютно уверена, но она делилась со мной даже тем, что обычно не рассказывают другим, не показывают никому. Я утешала ее, а она – меня. Иногда даже не верилось, что мы с ней разные люди. Я чувствовала, когда было больно ей, а она плакала, когда страдала я – разве могли мы быть двумя разными людьми? Думаю, именно это заблуждение в конечном итоге сделало нас чужими друг другу, – Нуби говорила спокойно, будто не о себе. – При всем этом мы часто ругались и расставались. До сих пор помню, как она в первый раз сказала, что уходит. Я тогда похудела на десять килограмм за два месяца. Спать не могла, сердце стучало как бешеное. Через два месяца она вернулась. Конечно, мы плакали, жалели обо всем, что причинили друг другу, но этот момент длился совсем недолго. Это было как в постоянных сиквелах к фильму – мы то расставались, то снова сходились. Пусть основной сюжет и ничего, но в таком продолжении нет никакого смысла. Поэтому чем дальше, тем становилось хуже. Да и героиней в этом фильме я была совсем не важной.

Закончив рассказ, Нуби улыбнулась. Тусклый утренний свет скользнул по оконному стеклу и осветил ее лицо.

Очень скоро Игён познакомилась с бывшей девушкой Нуби. В тот день в баре ставили пьесу, написанную одной из участниц форума. Вечер открывала певица, исполнявшая авторские песни под гитару. На белую стену проектировались клипы с выступлениями других исполнительниц.

Игён помогала за барной стойкой.

В дверь вошла стройная девушка в белой рубашке. Расстегнутые верхние пуговицы подчеркивали длинную шею, запястье украшали серебряные часы. Она поставила сумку на стол и с равнодушным выражением лица подошла к Игён. Ее окутывал свежий аромат духов.

– Мне пива. Любого.

Игён открыла бутылку и поставила перед ней.

– Акко, привет! – она поздоровалась с хозяйкой бара и отошла в дальний угол.

– Это бывшая Нуби, Ынчжи. Нуби долго по ней убивалась. Они вроде даже не общаются, интересно, зачем она пришла? – вполголоса объяснила Акко.

Нуби даже не смотрела в ее сторону и будто бы была увлечена разговором с другими гостями. Ынчжи снова подошла к бару, попросила повторить пиво и села за барную стойку прямо напротив Игён.

– Ждете кого-то? – спросила Ынчжи.

– А вы?

– Вы все время смотрели на дверь, вот я и спросила.

– Девушку жду.

– Понятно.

Постановка длилась около часа. На дворе был две тысячи второй год, а действие пьесы происходило в две тысячи пятьдесят втором. Героини – встретившаяся еще подростками, но теперь пожилая пара – прожили вместе полвека, и сейчас, наконец, готовились к свадьбе и вспоминали прожитые вместе годы. В сценах, иллюстрировавших их прошлое, играли две молодые актрисы. Их одежда, макияж и манеры – все было подобрано так, что казалось, будто те пожилые женщины на самом деле когда-то были этими красивыми двадцатилетними девушками. Вместе с персонажами зрители смотрели фотографии и видеозаписи, сделанные парой в первый год их отношений.

Пьесу закрывала сцена, в которой пара в белых платьях шла за руки под свадебный марш. Зрители – около тридцати человек – бросали им под ноги цветы и долго аплодировали. Они шмыгали носами, но не могли отвести взглядов от актрис. После показа основная масса посетителей разошлась, но небольшая компания осталась в баре делиться друг с другом впечатлениями.

Суи пришла к часу ночи. Народу осталось совсем немного, и Игён отдыхала, сидя на стуле. Кроссовки Суи были перемазаны машинным маслом, а одета она была в футболку и мятые шорты до колен. Да, Суи всегда так одевалась, но Игён вдруг подумала, что ей все-таки следовало бы привести себя в порядок, – и сама испугалась своих мыслей.

Оставшиеся в баре посетители подошли к Суи знакомиться. Ей даже подали безалкогольный коктейль, поскольку знали, что спиртное она не пьет. Суи медленно отпивала из бокала и устало оглядывалась по сторонам. Подруги Игён забрасывали ее вопросами. Все вокруг очень старались казаться дружелюбными, понимая, что Суи не по себе в таком месте, но Игён почему-то стало стыдно за всю эту ситуацию.

– На каком ты курсе? – спросила Акко.

– Я не учусь в университете, – ответила Суи.

– А, точно! Я знала, но ты уж больно похожа на студентку... – попыталась выкрутиться Акко.

– Я не смогла поступить. Я тупая и бедная, – ответила Суи с полным безразличием.

Это было на нее не похоже. Игён никогда не слышала, чтобы Суи разговаривала с людьми в такой манере. Кто-то сменил тему, и все снова стали шутить и смеяться, но Суи в разговоре не участвовала и лишь изредка отвечала, когда обращались лично к ней. «Как бы ты ни устала, нельзя выставлять себя в таком свете», – думала Игён.

По дороге домой Суи тоже молчала.

– Устала? – спросила Игён.

Суи промолчала.

– Суи!

– Что?

– Тебе обязательно нужно было вести себя так?

Она снова ничего не ответила.

– Почему нельзя было просто сменить тему или отшутиться? Ты поставила ее в неловкое положение. Она ведь не специально!

Суи молчала.

– Тебе ведь и самой было неприятно.

– Ты не понимаешь, – тихо сказала Суи. – Ты не понимаешь, Игён.

Она посмотрела на Игён и улыбнулась. «Твоя жизнь намного проще моей», – прочитала Игён в ее улыбке.

– Ты ничего мне не говоришь, как я могу понимать? – Чем сильнее Игён злилась, тем сдержаннее звучал ее тон. – Все были к тебе так добры, а ты только заставляла их чувствовать себя неловко!

Суи молча смотрела на противоположную сторону дороги.

– Я видела твой взгляд! На твоём лице было написано, что ты их презираешь!

– Я просто не люблю шумные места.

– Тогда нужно было просто сказать, что не пойдешь!

– Но там же была ты.

– Почему все нормальные люди, если не все, то хоть что-то рассказывают о себе? Если тяжело – говорят, что тяжело, если им что-то не нравится – не молчат. Но не ты! Почему ты так не можешь?

– Не сравнивай меня с другими.

Суи перешла через дорогу. Быстрыми шагами она отдалялась от Игён – не обернулась, не попрощалась сама и не стала ждать от Игён никаких слов. Игён вдруг почувствовала, как ей все это надоело и как она устала.

В тот день она стыдилась Суи. Плохая одежда, грязные кроссовки, провинциальная нелюбимость, даже то, что она стеснялась говорить о своей учебе – Игён не смогла похвалиться своей возлюбленной перед друзьями и стыдилась этого. Но ей не хватало смелости признаться себе в том, что стыдно ей было за себя, поэтому она винила во всем Суи. Игён не хотела признавать, что судила о Суи по мнению окружающих.

3

К зиме Суи накопила пять миллионов вон на залог и переехала в небольшую студию рядом с общежитием Игён. Шел ее последний семестр в техникуме, и она уже могла подрабатывать стажером в автосервисе. Как только у нее появилось свободное время, Суи занялась бегом.

– Деньги – это здорово! – говорила Суи.

– Не то слово, – соглашалась Игён.

Залог в пять миллионов подарил их отношениям спокойствие и мягкость. Прошел целый год после переезда в Сеул, но лишь теперь они могли безмятежно засыпать в обнимку в квартире без сквозняков, с чистой кухней и своим душем.

Игён до сих пор помнит ту наполненную теплотой зиму. Даже сейчас, закрыв глаза, она легко представляет белый пар из увлажнителя воздуха и похожие на детскую мазню отпечатки ладоней Суи на запотевшем окне.

С тех пор, как Суи бросила футбол, ее лицо и фигура изменились: крепкое тело стало мягче, а острые черты лица округлились. Но, когда спала, чуть приоткрыв рот, она по-прежнему напоминала ребенка. Суи засыпала, как только ее голова касалась подушки, и негромко посапывала во сне. Игён улыбалась от мысли, что во всем мире лишь она одна знает ее такой.

Устроившись на работу, Суи стала делиться впечатлениями о том, чем занимается. Ее глаза горели, когда она говорила об автомобильном топливе или запчастях. Игён приходилось переспрашивать, если Суи вдруг переходила на непонятный ей язык.

– Что такое крутящий момент?

– Это сила вращения. Сила, которая вертит предмет на оси. Чем мощнее крутящий момент, тем лучше момент силы, – тараторила Суи так, будто готовилась к ответу на этот вопрос.

К концу зимы Игён стала задумываться о том, насколько они с Суи не похожи. Суи нравились механизмы и машины, она с радостью налаживала их и приводила в порядок, но забы-

вала следить за собой, своей внешностью, ее совсем не интересовали встречи с людьми и знакомства. Игён же много думала о себе, о своей жизни и жизнях окружающих.

Со временем Игён стала понимать, почему Суи ничего ей не рассказывала. Просто таков был ее характер. В отличие от Игён, она, возможно, вообще не имела привычки анализировать свои мысли и эмоции. Для Суи действия всегда были важнее размышлений. В ответственные моменты она без колебаний принимала решения, ответственно подходила к результатам своего выбора и никогда не придумывала для него оправданий. Когда она пошла в автосервис, ей было неважно, как это повлияет на ее жизнь. Она просто сделала выбор и шла по пути, который он открывал. Игён, напротив, всегда долго думала о том, к чему приведет то или иное ее действие, взвешивала все «за» и «против» и долго колебалась с решением. Она даже не могла понять, чего по-настоящему хочет, поэтому какой бы выбор ни делала, всегда боялась пожалеть о нем.

Игён не представляла, что может полюбить кого-то другого. Суи была ее первой любовью, и прежде Игён никогда ни к кому не испытывала подобных чувств. Поэтому ей было совершенно непонятно, откуда взялась эта странная симпатия к Ынчжи. Как она может любить Суи и в то же время так сильно интересоваться кем-то другим? Этот беспорядок в сердце доводил ее до слез.

Второй раз Игён встретила Ынчжи в двадцать лет, весной. Это случилось почти сразу после того, как она устроилась на подработку в пекарню рядом с университетом.

– Вы ведь подруга Нуби?

– Да, а что?

– Помните, прошлой осенью вы были в баре с Акко, Нуби и другими? – сказала Ынчжи, заглядывая в глаза Игён.

Игён растерянно кивнула. В памяти всплыл туманный образ девушки, которая в одиночестве потягивала пиво, сидя за стойкой бара. Та девушка была очень высокой и худой, но ее лица Игён не помнила. Вокруг царил полумрак, да и говорили они совсем недолго. Игён удивилась, что Ынчжи запомнила ее.

– Значит, вы меня не помните, – натянуто улыбнулась Ынчжи.

– Помню, вы сидели у бара.

Ынчжи кивнула.

– Я работаю в больнице, прямо напротив.

– А я учусь в этом районе.

– Знаю, я вас видела несколько раз.

Увидев ее вблизи, Игён поняла, что она головокружительно красива. На гладком белом лице Ынчжи темнели аккуратные брови, приподнятые уголки глаз придавали ее взгляду остроту, отчего она казалась проницательной и немного раздраженной.

– Что с вашей рукой? – удивилась Ынчжи.

Игён смущенно спрятала изуродованную руку в карман. Несколько дней назад на прошлой работе она обожглась о сковородку.

– Покажите.

Игён развернула ладонь.

– Волдырь лопнул! Вы обрабатывали рану?

Ынчжи достала из сумки косметичку, обработала ожог антисептиком, мазью и приклеила пластырь.

Этих коротких минут хватило, чтобы сердце Игён сбилось с привычного ритма.

Окна пекарни выходили прямо на двери больницы. Игён работала с четырех до девяти вечера, и Ынчжи почти каждый день приходила в ее смену. Одета в белую рубашку, джинсы и белоснежные кеды, она была похожа на девушку с обложки. Ынчжи с перекинутой через плечо

сумочкой на длинной ручке сосредоточенно рассматривала полки с выпечкой. Игён украдкой наблюдала за ней, хотя знала, что она наверняка чувствует ее взгляд.

- А где вы живете? – однажды спросила Ынчжи, когда рассчитывалась за покупку.
- В районе Чунмуру.
- Не тяжело добираться?
- На автобусе быстро.
- Понятно.

Ынчжи будто хотела что-то добавить, но передумала и села за столик у окна. Было шесть часов вечера, низкие солнечные лучи лились в окно пекарни. Ынчжи медленно ела булочку. Игён занималась своей работой – рассчитывала посетителей, упаковывала покупки и в то же время не сводила глаз с Ынчжи. Та сидела перед окном, чуть склонившись в сторону. Съев половину, она положила булку на поднос и стала смотреть на улицу. Потом снова взяла ее в руки и медленно продолжила есть. Она сидела спиной к прилавку, и Игён не видела выражения ее лица, но зато могла беспрепятственно ее рассматривать.

- Увидимся, – возвращая поднос на прилавок, Ынчжи всегда прощалась именно так.

Увидимся. Когда она уходила, радость от очередной встречи в душе Игён мешалась с разочарованием от того, что сегодня ей больше нечего ждать. Если Ынчжи не приходила, время на работе тянулось невыносимо медленно, а настроение портилось из-за любой мелочи.

В один из таких вечеров Игён уже смирилась с тем, что сегодня они снова не встретятся. Она собиралась домой, когда дверь в кафе открылась, и на пороге появилась Ынчжи.

- Вы уже ужинали?

Игён помотала головой.

- Тогда давайте поедим, – предложила Ынчжи и вышла на улицу.

Она выглядела совсем незнакомой в те минуты, когда смотрела на Игён с обратной стороны окна. По дороге в кафе Игён старалась держаться на расстоянии, но никак не могла совладать со своими ногами и шагала неуверенно, словно вдруг забыла, как нужно ходить.

- Похоже, вы очень любите выпечку.

Ынчжи молча улыбнулась.

- Иногда на работе мне выдают ее бесплатно. В следующий раз отдам вам.
- Отдайте ее лучше своей девушке, – снова улыбнулась Ынчжи.

Они ужинали в ресторане сябу-сябу. Тонко нарезанные ломтики мяса, сваренные в прозрачном бульоне со свежими овощами, приятно согревали и наполняли желудок. Вкус сябу-сябу отличался от тех дешевых грубых блюд, которые Игён привыкла есть с Суи.

- Вам тогда понравилась пьеса? – спросила Ынчжи.

– Я задумалась, смогут ли женщины жениться через пятьдесят лет... Не слишком ли это долгий срок? Подумала, возможно ли такое не где-то, а в Корее...

– А мне понравилась сцена, где персонажи делились своими воспоминаниями. Можно покритиковать авторов за слишком идеализированный сюжет, но это так трогательно, они через столько прошли вместе...

Глядя на Ынчжи, которая смотрела куда-то на край стола, Игён чувствовала, как в голове расплывается туман.

Без определенной цели они брели по району Чонно. На часы они не смотрели и о планах на вечер не договаривались. Когда в людных местах их теснили друг к друг прохожие, их руки на доли секунд соприкасались. Так, не спеша, они дошли до памятника королю Кочжону.

- Рука зажила? Шрама не осталось?

Игён показала правую руку:

- Благодаря вам, доктор, все прошло!
- Почему же я доктор?
- А как мне вас называть?

Ынчжи мягко посмотрела на Игён.

– Можно и по имени, – острые уголки ее глаз больше не делали ее раздраженной и придавали взгляду насмешливость.

Игён поколебалась и произнесла:

– Ынчжи.

– Мне нравится слышать, как вы зовете меня по имени.

– Ынчжи.

Ветер, вдруг переставший казаться холодным, играл с волосами Ынчжи. Она смотрела на Игён. «Мы ведь обе понимаем. Мы обе знаем, что идем мы сейчас вовсе не потому, что хотим идти, а потому, что не хотим расставаться», – Игён чувствовала, что Ынчжи в тот миг читала ее мысли. Ничего не зная друг о друге, ничего не спрашивая, они без слов понимали друг друга.

– В последнее время все мои мысли об одном, – произнесла Игён.

Ынчжи задумчиво смотрела на нее. Игён не добавила: «О тебе», а Ынчжи не переспросила, словно и так все поняла. Или, наоборот, не поняла совсем ничего.

«Какое прекрасное лицо», – думала Игён. Нежная кожа, гладкие волосы, яркие, словно обветренные губы, чуть раскосые глаза, всегда приподнятые уголки рта, нежный подбородок. Игён никогда не видела подобных лиц. Ей хотелось прикоснуться к нему, почувствовать его кончиками пальцев и узнать, какое оно. Теплое? Прохладное?

После того вечера Игён стала беспокойно спать. Ей снилось, что на ее лице вырос огромный чирей, что она несколько раз пыталась подняться по лестнице, каждый раз падала и летела вниз, что слышала голос, но не могла разобрать ни слова. В голове то и дело возникал образ Ынчжи: ее улыбка, взгляд, которым она смотрела на Игён, ее правильная речь. Во рту было сухо, сколько бы она ни пила, а еда стала безвкусной. «Так нельзя!» – убеждала себя Игён, но все ее существо требовало новой встречи. Нестерпимое желание увидиться вновь причиняло ей физическую боль. Игён спала с телефоном в руке – вдруг она позвонит или напишет?

Они нечасто встречались. За те четыре месяца они гуляли вместе всего шесть раз, но даже теперь, спустя тринадцать лет, Игён помнит каждое из их свиданий.

Ынчжи охотно рассказывала о себе. Игён узнала, что в семье она третья из четырех дочерей, поэтому в детстве избытка родительской любви у нее не было, а теперь не любит себя, и ей тяжело жить с этим чувством. Все эти разговоры она вела так спокойно, будто рассказывала, что будет есть на ужин.

– Вы со всеми так запросто говорите о личном? – как-то раз спросила Игён.

Ынчжи опустила взгляд и улыбнулась:

– Нет, я приглядываюсь к людям. К тому же вы – не все.

Ынчжи как ни в чем не бывало рассказала, как отец и дядя избили ее, когда во время семейного застолья младшая сестра устроила ей аутинг и родственники накупились на нее с кулаками. В тот вечер ей выдрали клоч волос и рассекли лоб так, что пришлось зашивать.

– Тогда мне нужен был всего один человек. Всего один. Кто-то, кто заступился бы за меня, крикнул: «Не бейте ее!» Но все просто смотрели, как будто в дела мужчин им вмешиваться не положено.

Ынчжи запустила пальцы в волосы и взъерошила их.

– Теперь все нормально, я больше с ними не вижусь. Самое главное ведь «сейчас»? Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на тех, кого видеть не хочешь, – добавила она, глядя на Игён.

После этого разговора Ынчжи какое-то время не приходила в пекарню. «Выходит, ты появлялась здесь просто потому, что было не с кем поужинать, и гуляла со мной потому, что тебе было скучно. Я одна не находила себе места и изводилась, а ты ничего ко мне не чувствовала!» – стоило Игён погрузиться в эти мысли, как Ынчжи появлялась снова. Выражение ее

лица было спокойным и будничным, словно она понятия не имела о том, что делает с Игён. Когда они ужинали и шли домой, в груди Игён поднималась настоящая буря, но Ынчжи, казалось, ничего не замечала. Чем больше проходило времени, чем сильнее становились чувства Игён, тем мрачнее было у нее на душе. Даже наблюдать за тем, как Ынчжи ест круассаны, сидя у окна, стало невыносимо.

Суи знала о существовании Ынчжи.

– Подруга Акко, медсестра в больнице напротив пекарни. Она, похоже, не любит есть в одиночестве, – говорила Игён.

Суи кивала. Игён ничего от нее не скрывала. Что скрывать, если они лишь время от времени ужинали вместе, вели повседневные разговоры и гуляли по Чонно? Но Игён понимала, что те чувства, которые она при этом испытывала, превращают все это в предательство. Она пообещала себе больше не встречаться с Ынчжи.

Игён соврала Суи, что ей надоели странные посетители, постоянно навевывавшиеся в пекарню, и устроилась в пиццерию подальше от университета.

За день до увольнения Игён еще раз поужинала с Ынчжи. Когда они сделали несколько кругов по переулкам в районе Инсадон, Игён произнесла:

– Мне кажется, я очень везучая. Я не успела обжечься и встретила Суи сразу.

– Наверное, так и есть.

– Это редкость – понравиться человеку, который нравится тебе. Если подумать, то, что мы нашли друг друга и можем взаимно любить, – настоящее счастье.

– Да, вы выглядите очень счастливой, – ответила Ынчжи.

Она улыбалась, но ее тон звучал недовольно.

Игён не могла больше смотреть на нее.

– Я, наверное, пойду, – попрощалась Игён и, ни разу не обернувшись, поспешила в сторону главной улицы. Они собирались прогуляться до станции Ангук, но Игён вдруг поняла, что там не сможет расстаться с ней как ни в чем не бывало. Лучше было уйти первой.

В ту ночь Игён лежала рядом с Суи и не могла уснуть.

– Сколько ты проработала в пекарне?

– С начала этого семестра. Выходит, четыре месяца.

– Было так тяжело? Ты сильно похудела за это время.

– Да, – ответила Игён и зарылась лицом в подушку.

Она была готова разрыдаться, в горле стоял ком.

– Ты что, плачешь?

– Нет.

– А кажется, что да.

Видя, как заботится о ней Суи, которую сердцем она уже предала, и подумав о том, что больше не увидит Ынчжи, Игён не смогла сдержаться и разрыдалась. Суи молча поглаживала ее по спине.

– Суи.

– Что?

– Ненавижу жадных людей.

– Знаю.

– Бывают такие, которым вечно всего мало, которые всегда не довольны тем, что имеют.

– Бывают.

– Суи, ты же меня любишь?

– Конечно.

– Я не буду счастлива без тебя.

Пока Игён не произнесла это вслух, она твердо верила в то, что может быть счастлива только с Суи, но теперь вдруг поняла, что эти слова всего лишь ложь в нарядной обертке.

Суи тихо сопела во сне. Игён лежала рядом и не могла уснуть.

Она хорошо помнила, какой мрачной и одинокой была ее жизнь до появления в ней Суи. Игён не пользовалась популярностью и не могла влиться ни в одну компанию. Она пыталась быть похожей на других ребят, копировала их и изо всех сил старалась измениться, но ничего не получалось, и за это она ненавидела себя.

Суи стала для нее всем. Она была ее возлюбленной, ее лучшей подругой, ее семьей, человеком, рядом с которым можно было просто свободно дышать. И, если они вдруг расстанутся, лишь Суи сможет по-настоящему утешить Игён – странно и противоречиво, но это так. Кто такая Ынчжи на ее фоне? Ее красивое лицо, мягкий голос – мираж, который развеется от дуновения ветра.

Игён боялась, что Ынчжи начнет ей звонить, но она не писала даже сообщений. Как заноза, она сидела в голове Игён, и вытащить ее оттуда было невозможно. Раз за разом Игён останавливала себя на полпути к больнице, снова и снова набирала ее номер, но не нажимала кнопку вызова.

Ынчжи пришла к ней сама.

Она сидела на скамейке у театра, мимо которого Игён ходила домой. Заметив Игён, она встала и направилась к ней. Игён свернула в переулок. В ушах звенело, сердце стучало так бешено, будто она пробежала стометровку. Она зашла в торговый павильон и села на лестнице на втором этаже.

«Вы меня видели. Похоже, вы теперь даже здороваться со мной не хотите», – прочитала Игён сообщение.

Игён провела пальцами по экрану телефона, будто это сообщение было частью самой Ынчжи. С их последней встречи прошел месяц, и только теперь, увидев ее лицо, она поняла, каким мучительно долгим и тягостным он был.

«Простите, если я вас смутила. Я не хотела», – высветилось на экране.

Через несколько секунд пришло еще одно сообщение: «Я скучала».

Игён до сих пор помнит мрачную радость, охватившую ее в тот момент: «Раз ты пришла, значит, тебе было еще хуже, чем мне! Не я одна страдала!» Представив ее боль, Игён почувствовала себя счастливой – этого было вполне достаточно. Она ничего не ответила и тут же стерла сообщения Ынчжи. Из телефонной книги ее номер она давно удалила, но стереть ее из своей головы не могла.

Сколько она там просидела? По дороге домой она заметила свое отражение в витрине какого-то магазина: сильно похудевшее лицо, тощие ноги, торчащие сморщенные колени. Узнав, что Ынчжи разделяет ее чувства, Игён до дрожи в руках хотела набрать ее номер, хотела обнять ее хотя бы раз. Ею вдруг овладела мысль о том, что, если она хотя бы раз ощутит Ынчжи своим телом, горечь в ее душе рассеется. Испугавшись, что вот-вот поддастся этой мысли, она позвонила Суи. Игён верила, что Суи ни о чем не догадывается.

Утром у нее поднялась температура. Горло болело так, что было больно глотать. Игён лежала в кровати, и ей мерещилось, что пол под ней покосился и она вот-вот покатится вниз. Если удавалось заснуть, ей снились странные сны. Она сходила в поликлинику, где ей сделали укол и дали лекарство, но лучше не стало. По ночам голова болела так, будто ее топтали ногами. Когда Игён перестала есть даже кашу, Суи взяла ее под руку и отвела в больницу. Игён помнит, что она открыла глаза и увидела ее взволнованное лицо, а когда открыла снова, была ночь. Она молча посмотрела на Суи, лежавшую рядом на раскладушке.

– Ты как? – спросила Суи, услышав сквозь сон, как шевельнулась Игён.

– Иди сюда.

Суи легла рядом.

– У тебя щеки ввалились. – Суи осторожно коснулась их пальцами.

– Я стала еще уродливее?

– Ага, – ответила Суи и нажала на кончик ее носа.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга, словно вглядывались в неведомые миры, отраженные в их глазах.

– Не разговаривай, у тебя все горло опухло.

Игён кивнула.

– Ты спала целых двенадцать часов. Похоже, у тебя сильное обезвоживание – ты постоянно была под капельницей, но ни разу даже в туалет не сходила. Врач отчитал меня за то, что я плохо тебя кормлю, – я сказала ему, что я твоя старшая сестра. На младшую-то я не особо похожа.

Игён улыбнулась и кивнула. Они молчали.

– Прости меня, – произнесла Суи и закусила губу. – Прости, если из-за меня тебе пришлось страдать, если я тебя ранила.

Игён помотала головой. Ей стало невыносимо больно оттого, как сильно Суи ошибалась: «Нет, это не из-за тебя. Это из-за того, что я желала другую. Это я должна просить у тебя прощения».

Только спустя много лет Игён догадалась, что Суи произнесла эти слова не потому, что просто заблуждалась. Может быть, она уже тогда видела, что их отношениям пришел конец. Она видела, что эта любовь вот-вот сорвется в пропасть, знала, что их крепость, казавшаяся такой прочной, вот-вот развалится на куски. Она изо всех сил старалась подготовить себя к этому.

Игён молчала, глядя на просившую ненужного прощения Суи. Казалось, даже слова вроде «Не за что извиняться, дело не в тебе» причинят ей боль. Так ничего и не сказав, она поглаживала ее круглый, мягкий затылок. Она заставляла себя улыбнуться, но не могла. Суи тоже не улыбалась.

4

Игён открыла глаза: на соседней кровати сидела Ынчжи. Она держала сумку на коленях, очевидно, ей было неловко. Игён села.

– Зачем вы пришли?

– Я звонила вам. Трубку взяла Суи. Она сообщила, что вы в больнице.

– Что вы ей сказали?

– Что я ваша подруга. Суи знала, кто я. Сказала, что слышала обо мне.

Игён промолчала.

– Я испугалась! Вы так серьезно заболели, – голос Ынчжи задрожал.

– Ничего страшного. Не нужно было приходить.

– Игён...

Игён плохо видела Ынчжи, но очки не надела. Она не знала, чего от себя ожидать, если вновь увидит ее прекрасное лицо.

Медленно, осипшим голосом, Игён заговорила. Она рассказала ей о Суи, о том, что Суи подарила ей новую жизнь, о том, как прочен и целен их мир, о том, что никому больше нет в нем места.

И тут она поняла, что теперь все это было неправдой. Она хотела убедить Ынчжи, но получилось наоборот – эти слова выдали ее истинные чувства.

Игён замолчала. Ынчжи пообещала позвонить и вышла из палаты. На улице дул сильный ветер. В тот ветреный день, в свои двадцать лет, Игён встала перед выбором, на который прежде

ни за что не решилась бы. Теперь взмахом собственной руки ей оставалось лишь разрушить и уничтожить все, что между ними было. Ничего другого дать Суи Игён больше не могла.

Игён до сих пор преследуют кошмары о том дне.

Во сне она видит себя в стеклянном лифте. «Не говори, хватит! Ничего не говори!» – кричит она, но двадцатилетняя Игён не слышит. Лифт поднимается на самый верх, а потом срывается вниз, взлетает и падает снова и снова. Выбраться из него нельзя. На каждом из этажей, мимо которых проносится кабина, стоят Игён и Суи. Они все еще вместе. Но только в эти тягостные мгновения во снах Игён.

Игён сидела на корточках в переулке напротив автосервиса, где работала Суи. Раскаленный асфальт обжигал стопы через тонкую подошву шлепанцев. Воняло пищевыми отходами. Игён смотрела на оранжевую жидкость, вытекавшую из мусорного пакета. То лето слишком затянулось.

Суи увидела Игён и помахала, Игён махнула в ответ. Суи подбежала к ней, чуть склонив голову набок, будто ведет мяч. Эта привычка появилась у нее еще в ту пору, когда она играла в футбол. Она бегала так только в хорошем настроении.

Они пошли в пивную недалеко от автосервиса. Сев друг напротив друга, они заказали картофельные оладьи, бутылку сочжу и баночку колы. Суи выпила пол-литра воды со льдом, пока они ждали заказ. Уже по дороге она непривычно много болтала – бойко, взалхлеб, будто, замолчи она хоть на секунду, произойдет что-то ужасное.

– Мне нужно тебе кое-что сказать.

Суи выглядела абсолютно спокойной. Она слушала Игён, скрестив руки на груди.

Игён хотела свести к минимуму боль, которую она причинит Суи, поэтому решила не рассказывать ей об Ынчжи. Она убедила себя, что так Суи будет легче, но, обманывая Суи, она обманывала и себя. Игён поверила, что это ложь во благо, и считала, что поступает так вовсе не из-за собственной трусости, а потому, что проявляет свою последнюю заботу ней.

Забота? Да какая забота! Она хотела уберечь Суи от страданий? Нет, это было не ради Суи и даже не ради ее самой. Тогда Игён не понимала, что просто пыталась во что бы то ни стало сохранить лицо и до последнего казаться хорошей. Как не понимала и того, что Суи была достойна правды, а не этого дешевого вранья.

– Мы стали слишком разными. Ты, наверное, тоже это чувствуешь. Все изменилось после того, как мы переехали в Сеул. Ты совсем перестала со мной разговаривать, ничего мне не рассказываешь. Я даже не знаю, нравлюсь ли тебе до сих пор. Возможно, я не самый подходящий тебе человек. Мне нечего тебе дать. Ты заслуживаешь лучшего. Не вини себя, все дело во мне.

Игён помнит каждое слово из этой лицемерной тирады. Она даже спросила у понурившей голову Суи, все ли в порядке. Суи кивнула.

– Такое ведь часто бывает... Люди ведь все время расстаются... Поэтому не переживай слишком сильно, – в голосе Суи не было ни гнева, ни печали – он был пустым.

Спустя годы Игён задумывалась, почему Суи так буднично восприняла то, что ее отвергли. Разве может тот, кого бросили, ответить: «Не переживай»?

– Дело не в тебе...

– Я даже не думала, что в моей жизни будет что-то настолько хорошее. Странно, что это вообще со мной произошло... Я и не надеялась, что мы сможем быть вместе вечно. На такое я не претендовала... Зато теперь я могу не бояться, что ты заболеешь, поранишься или умрешь. Но все равно... Да нет. Все заканчивается. Все пройдет...

Суи говорила все тише и невнятнее, пока ее речь не стала совсем неразборчивой. Она будто убеждала сама себя, забыв, что Игён сидит перед ней. Ее взгляд сместился с Игён на уголок стола. Игён взяла ее за руку, но Суи посмотрела на их руки так, будто на столе перед ней лежало что-то незнакомое и чужое.

– Если ты все решила – иди, – пробормотала Суи. – Иди, пожалуйста, уйди!

На следующий день Игён сложила в коробку все вещи и подарки Суи и отнесла к ней домой. Пока Суи не было, Игён собирала все, что принадлежало ей.

Суи вернулась лишь после полуночи. На ее футболке поло был логотип автосервиса. Несколько секунд она смотрела на встретившую ее в дверях Игён. Игён надеялась заметить хотя бы крупницу ненависти в ее взгляде. Но Суи только улыбнулась и пошла в душ.

– Ты ужинала?

– Да, а ты?

– Я тоже.

– Ты все вещи собрала?

Игён не помнит, каким было лицо Суи в тот миг, но помнит ее глаза. Суи не отводила взгляд будто специально, чтобы не выдать себя и скрыть свое нежелание видеть ее. В нем еще оставалась последняя капля надежды – вдруг Игён передумает, в нем читалось неверие – неужели все закончится вот так? Суи села на пол у окна. Игён подвинула к ней одну из коробок. В коробке лежали письма Суи, открытки, которые она отправляла Игён после переезда в Сеул, ее диски и книги. Суи безучастно взглянула на коробку.

– Зачем мне это? Выкинь или делай с этим что хочешь.

– Но...

Они сидели и молча смотрели на содержимое лежавшей между ними коробки. Было два часа ночи.

– Я встретила тебя в семнадцать лет. В июле, – не отводя взгляда от коробки, Суи нарушила тишину. – Я была счастлива. Не только тогда, но и все время, пока мы были вместе.

Она откашлялась, чтобы голос перестал срываться.

– Ты ведь тоже всегда жалела меня? Наверное, по сравнению с другими, я неудачница. Я из плохой семьи, мне пришлось бросить спорт из-за травмы, об университете я и не мечтала. Никто не пожелал бы себе такой жизни, – Суи подняла глаза на Игён и тихо усмехнулась. – Но все было не так. После встречи с тобой все остальное стало мне не нужно. Даже когда пришлось бросить футбол, все было нормально. Не так уж я его любила. Да нет, я ненавидела его! Терпеть не могла! Просто тогда я ничего больше не умела. Тогда это было единственное, за что я могла уцепиться. И пусть пришлось бросить спорт, пусть в университет я не пошла – все это было ерундой. Ведь у меня была ты, я любила тебя, а ты меня, я могла видеть тебя, когда хотелось. Чего еще я могла желать? Я всегда смеялась над теми, кто жалел меня и говорил, что у меня тяжелая жизнь: «Дураки вы все, у меня самая лучшая жизнь!»

Суи замолчала. За стенкой ругались соседи. Спустя несколько секунд громко хлопнула дверь в коридоре.

– Игён.

– Что?

– Помнишь, как мы познакомились?

– Конечно.

– Я попала мячом тебе в лицо.

– Да. И сломала очки. Даже кровь из носа пошла.

– Ты сидела на земле и плакала. И слезы с кровью капали у тебя с подбородка.

– Таким было твое первое впечатление обо мне?

Суи кивнула и посмотрела на Игён. Это был тот самый взгляд, взгляд семнадцатилетней Суи, только что разбившей ей нос. Перед ней было лицо человека, которому очень больно, будто это ему только что попали мячом в лицо. В глазах Суи стояли слезы.

– Суи...

– Ты больше никогда не позовешь меня по имени, – слезы потекли из ее глаз.

Суи пыталась сдерживать плач, пыталась что-то говорить, но у нее не получалось. Она плакала не потому, что протестовала. Она не пыталась ни надавить на Игён, ни вызвать у нее чувство вины. Суи никогда не показывала свои слабости. Она изо всех сил старалась спрятать их, будто самым невыносимым для нее было то, что кто-то может увидеть ее боль. Она никогда не жаловалась и все терпела в одиночку. Теперь она плакала, не издавая ни звука.

Игён сидела у стены, удивленная тем, что даже слезы Суи не повлияли на ее решение. Наверное, Суи тоже понимала, что у нее на душе. Игён не имела права плакать вместе с ней.

– Спокойной ночи, – Суи потушила свет.

До самого рассвета Игён ворочалась и не могла уснуть. Она слышала, как Суи зашла в ванную, как включилась вода, как зашумел фен, как закрылась дверь в квартиру, и Суи ушла. Боясь, что она обернется, Игён не смогла даже проводить ее взглядом.

Только когда она ушла, Игён, наконец, заплакала. Суи, пожелавшая ей «Спокойной ночи» перед тем, как потушить свет – такой Игён увидела ее в последний раз. В холодильнике стояли в ряд купленные неизвестно когда пакеты клубничного молока.

5

Роман с Ынчжи не продлился и года. Она призналась, что так и не смогла забыть Нуби, свою первую любовь, и вычеркнуть из жизни человека, с которым была пять лет. Игён и сама все знала. Как бы Ынчжи ни старалась скрыть, что большую часть места в ее сердце занимает другой человек, эта правда, заставлявшая Игён леденеть, постоянно проглядывала наружу.

В конце концов все слова и действия Ынчжи превратились в острые кинжалы, вонзавшиеся прямо в Игён. Ее расстраивало даже то, что, ложась спать, Ынчжи иногда поворачивалась к ней спиной. Ынчжи могла ранить ее, не шевельнув пальцем, не произнеся и звука.

Игён не могла принять расставание так же спокойно, как это сделала Суи. Она рыдала и умоляла, просила подумать и дать их отношениям еще один шанс. Игён не ожидала, что способна так унижаться, но она была готова на все, лишь бы быть с Ынчжи. «Неужели я такая жалкая?» – спрашивала она себя, уже не помня толком, какой была раньше.

Игён прекрасно понимала, что с самого начала их отношений она так и не познала счастья, не омраченного чувством вины или тревоги. Ынчжи говорила, что они слишком похожи. Наверное, поэтому они так быстро понравились друг другу, но из-за одинаковых движений плыть вдвоем не смогли и лишь неуклюже барахтались на месте. Кто-то должен был первым выбраться из этой трясины. Но поворотным стал момент, когда их совместные с Ынчжи воспоминания просто не выдержали растущего день ото дня веса времени, и в конце концов разбились на куски, отпустив Игён из болезненного плена. Так все прошло.

Ынчжи позвонила поздней весной, когда Игён было тридцать три.

Они встретились в кафе у ее работы, но разговор не задался. Слишком сложно было за один час пересказать все события последних тринадцати лет, да никому из них этого и не хотелось.

– Не думала, что ты согласишься со мной встретиться, – призналась Ынчжи.

Игён вдруг ощутила странное спокойствие: Ынчжи больше не причиняла ей боль.

– Я была слишком своенравной.

– Понимаю, я сама была такой, – ответила Игён.

Несколько минут обе молчали. Ынчжи вдруг поинтересовалась, как поживает Суи, будто не сомневалась, что они до сих пор поддерживают связь.

– В последний раз я видела ее тринадцать лет назад.

– Вы больше не общались?

Игён не смогла ответить и лишь отрицательно покачала головой. «Я даже не знаю, жива ли она», – подумала Игён. Допив кофе, они распрощались. Встреча с Ынчжи вернула Игён в прошлое. С Суи они не увидятся никогда. Игён иногда думала о том, что они могут встретиться где-то случайно, но все-таки желала, чтобы такой случайности не произошло.

Суи до сих пор где-то там, глубоко внутри Игён, там, где не существует времени. Она не двигается с места и не сводит с Игён глаз. Игён зовет ее, но Суи не слышит. С пустым взглядом она стоит на осколках их разрушенного мира. До него Игён не может дотянуться, сколько бы ни пыталась. Были бы они сейчас вместе, не повстречай она Ынчжи? Игён не хватало смелости ответить на этот вопрос.

Спустя несколько месяцев после встречи с Ынчжи Игён поехала в родной город. От жары футболка промокла и прилипла к спине. Игён села на новый скутер своей матери и проехала по району. Ни оптики, в которой они с Суи чинили очки, ни кафе, где они обедали, ни даже дома Суи – уже давно ничего не осталось. На месте, где когда-то стоял ее дом, теперь была заброшенная стройка, а из земли торчали красные арматурные стержни. Игён поехала к мосту.

Доехав до середины, она остановила скутер и подошла к перилам. Внизу журчала река. Игён вспоминала, как они вдвоем смотрели на воду, теряя счет времени. «Зачем мы это делали?»

Они все были там: Суи, впервые окликнувшая Игён по имени, Суи, не отводившая от воды зачарованного и испуганного взгляда, и смотревшая на нее совсем еще юная Игён.

– Суи, – тихо позвала Игён.

Вода в реке текла медленно и тихо.

Серая птица с длинными крыльями пролетела прямо над поверхностью воды. Игён знала, что это за птица.

601, 602

Когда мы с родителями поселились в панельном доме в Кванмёне, мне было четыре года. Мы скитались по пригородам Сеула: переезжали из Кванмёна в район Ёккок в Пучхоне, из Пучхона – в Ансан, а затем снова вернулись в Кванмён. Папе с мамой этот только что построенный по образцу восемьдесят восьмого года дом представлялся настолько же роскошным, насколько необъятным было их огорчение из-за того, что денег на жилье в самом Сеуле так и не хватило. Прежние обогревавшиеся угольными брикетами квартиры не шли ни в какое сравнение с новой. Теперь в южные окна нашего просторного чистого зала на шестом этаже лились медовые лучи солнечного света.

На каждый этаж вдоль длинного открытого коридора заехало по восемь семей, и мы с Хёчжин стали жить за соседними дверями. Между нашими днями рождения было всего два дня, лет нам было одинаково, даже наш вес и рост почти не отличался. Помню, как первое время не понимала ее речь из-за того, что она говорила на диалекте. Раньше их семья жила в Чхильгоке, но, когда их папа нашел работу в Сеуле, они переехали в Кванмён.

Мы были совсем маленькими, но я до сих пор ясно помню некоторые истории из тех, что тогда рассказывала мне Хёчжин. Например, о том, как в их старом доме в потолке каждую ночь что-то шуршало, а потом выяснилось, что под крышей вылупились змеи, и мама-змея с детенышами постоянно там копошились. Или как она говорила, что в деревнях могилы детей находятся в отдельном месте, и что ночью, когда темно, можно увидеть парящие над ними голубые блуждающие огни. Под ее рассказы я вместе с ней уносила в местечко под названием Чхильгок, где никогда в своей жизни не бывала.

Минимум раз в месяц дома у Хёчжин проводились поминки. В такие дни дверь их квартиры распахивалась настежь, оттуда гремели подвыпившие мужские голоса, а обувную полку заполняли стоптанные ботинки. Как только наступал вечер, Хёчжин убегала домой помогать.

Помню, что как-то раз мама зачем-то велела мне зайти к ним домой. В раскаленной от жары небольшой квартире теснились гости. Мне объяснили, что поминать будут предков прапрадедушки. Женщины в поте лица готовили угощение для мужчин, а мужчины, разодетые в черные костюмы, сидели под вентилятором.

Когда начался обряд, все замолчали и сделали строгие лица. К тому времени женщины закончили свои дела на кухне и теперь наблюдали за действиями мужчин. Мужские брюки блестели на полах. Все костюмы были одинаково черные, но носки у всех выглядели по-разному: протертые темные с просвечивающими пятками или двухцветные с серыми пальцами. Кичжун стоял среди мужчин с нарочито серьезным видом.

Я ненавидела Кичжуна, и насколько сильна была моя к нему ненависть, настолько же я его боялась. Но тогда я ещё не понимала всех этих чувств и просто старалась его избегать. Нам с Хёчжин в тот момент было по семь лет, а Кичжуну – двенадцать. Каким же большим в глазах первоклассниц выглядел шестиклассник! Даже мой папа и их с Хёчжин отец в то время воспринимались менее взрослыми, чем он.

Как-то раз, когда я уже повзрослела сама, мне попались его фотографии, сделанные в те годы. Кичжун, казавшийся таким высоким, на деле был просто маленьким, упитанным мальчишкой. На снимках он держал в руке микрофон и пел песню на дворовом конкурсе талантов. Я помню. Помню, что он слишком наигранно подражал эстрадным артистам и всех этим рассмешил. Был летний вечер девяносто первого года. Я хорошо его запомнила.

В тот день Кичжун прижал Хёчжин плечами к стене и пинал ее коленом в живот. Он обзывал ее непонятными мне словами и, как заведённый, колотил изо всех сил. Когда человека бьют, слышен лопающийся звук, похожий на взрыв петарды, – я узнала это именно тогда. Склонив голову, Хёчжин терпела удары. Она попыталась высвободиться, но от этого ее голова

лишь сильнее упала вперёд. «Он ее убьёт!» – испугавшись, что следующего удара она не выдержит, я обхватила руки и спину Кичжуна и попыталась оттащить его от сестры. Когда я на нем повисла, Кичжун ухмыльнулся в мою сторону и вышел из комнаты. Хёчжин зажала живот и присела. Она спрятала лицо за руками, но ее круглые уши пылали огнем.

– Скопытитесь девка. Давай-ка ж ты полегче, – безучастно произнёс их отец на кёнсанском диалекте.

Ее родители смотрели в зале юмористическое шоу и смеялись. Хёчжин сидела у шкафа с прижатыми к груди коленями, икала и одновременно всхлипывала.

– Хёчжин...

– Чуён, только ты никому об этом не рассказывай, – попросила она, подняв на меня полные слез глаза. – Не рассказывай никому, что меня всю жизнь побивают.

Я тихо сидела в ее комнате и слушала доносившиеся из зала шутки юмористов и смех взрослых. Хёчжин так и не заплакала, хотя все ещё не могла нормально дышать и продолжала икать.

– Обещай!

– Ладно.

– Иди к себе домой.

Словно побитый щенок, я сидела возле нее и не могла сдвинуться с места. Я и беспокоилась за Хёчжин, и чувствовала, как давит на меня атмосфера их дома. Как только я представила, что мне придётся пройти через зал, где сидели ее родители вместе с Кичжуном, сердце подпрыгнуло в груди, а в животе завязался узел.

– Чего не уходишь? – сердито бросила она мне.

Тогда я вышла из ее комнаты.

– Пошла, что ли? Потом еще захаживай! – крикнула мне вслед ее мать.

Кичжун и его отец даже не посмотрели на меня.

В тот вечер на дворовом концерте Кичжун, нелепо гримасничая, пел трот, а я наблюдала за лицом Хёчжин. Она устало сидела в потешавшейся над братом толпе и рассматривала асфальт под ногами. Как и обещала, я никому не рассказала о том, что произошло в тот день. Но двигала мной не одна лишь забота о ней: в нашей договоренности будто была какая-то магическая сила. Казалось, что если я нарушу своё обещание, то сегодняшняя история повторится с Хёчжин снова. И со мной тоже.

Учились мы в разных классах, но после уроков играли вместе: на площадке, в коридорах многоэтажки, в моей комнате. И вдобавок вместе делали домашнюю работу. Иногда мы даже вместе ночевали у нас дома и болтали до поздней ночи под звуки родительского храпа. Бывало, она приходила с распухшим от долгого плача лицом. Казалось, Хёчжин должна была рассказать мне, что случилось, но она никогда ничего не говорила, а через какое-то время, напротив, становилась ещё более веселой, чем всегда. Только как бы она ни старалась скрыть правду, я всегда догадывалась, почему у нее снова красные глаза.

В школе она была самой умной. На месячных срезах она получала либо сто баллов из ста, либо допускала всего пару ошибок. Мне с моими семьюдесятью баллами по всем предметам до таких оценок было далеко. Несмотря на то, что особенно отстающей ученицей я не была, родители все равно беспокоились за мою успеваемость. Мама купила мне толстый задачник «Банк упражнений», по которому я должна была заниматься, но я спотыкалась на сложных заданиях, не понимала их даже после объяснений и лишь сильнее мучилась.

Мама постоянно стыдила меня, свою дочь, перед другими людьми. Если она хвалила Хёчжин в разговоре с ее мамой, то обязательно в довесок к похвалам преподносила и мои недостатки.

– Чуён у нас уже и по задачнику занимается, но все равно даже восьмидесяти баллов не получает. Хотя они и проводят вместе дни напролет, с головой ей, конечно, повезло гораздо меньше. Если Чуён уже сейчас так отстает, то потом точно за вашей Хёчжин не угонится.

– А девке-то на кой учеба? – отвечала мама Хёчжин. – Девки – это ж домашний капитал. Пускай вот сидит не рыпается, деньги в дом приносит, покудова замуж удачно не выйдет – уж и то радость. От них же ж никакой пользы. Бросайте вы изводиться, чего тут обсуждать вообще.

Мама называла Хёчжин беднягой и сочувствовала тому, что ей приходится жить с такой матерью. «Неужели такие семьи еще существуют? Разве кто-то может до сих пор называть дочерей бесполезными?» – сокрушалась она.

Мой отец был старшим среди своих братьев и сестер, поэтому мама, за десять лет брака родившая только меня, в кругу его родственников всегда становилась объектом скрытого осуждения. «Эта старшая сноха бросает дом ради работы, хозяйство ведет кое-как, даже сына родить не может, выскочка...» – все эти гнетущие, скользкие фигуры речи предшествовали имени Ким Мичжа – так звали мою маму. Какой-то частью себя она понимала, что все эти слова несправедливы, но другая, более весомая ее часть, облачалась в них, словно в тюремную робу. Сбросить эту тяжелую метку женщины, которая не родила сына, было невозможно. И когда мама Хёчжин в очередном разговоре о детях принижала свою дочь, ее слова на самом деле метили и в мою не родившую сына маму, и в меня, которую, как ни воспитывай, все равно останусь лишь «девкой».

Между нашими с Хёчжин семьями ни разу не произошло ни одной ссоры из тех, что часто возникают между соседями. Родители приносили друг другу угощения, улыбались, встречаясь в коридоре, и всегда обменивались хотя бы парой фраз. На самом же деле в те времена так было принято, и они лишь следовали минимальным правилам соседского этикета, не испытывая друг к другу особенно теплых чувств. Эксцентричная тяга соседей к шумным семейным посиделкам вызывала у папы немое изумление, а мама поживалась от невежественности соседки. Однако при всем этом мои родители высоко оценивали Кичжуна, мол, он и со взрослыми вежлив, и учится хорошо. Они были правы: Кичжун всегда приветствовал старших поклоном, вел себя бойко и всем угождал.

Когда мы с Хёчжин перешли в третий класс младшей школы, ее брат был уже во втором классе средней. О том периоде у меня сохранились более отчетливые воспоминания. Над столом, за которым всегда сидел Кичжун, висела газетная вырезка со статьей об ученике, получившем высший балл за выпускные экзамены, и атмосфера вокруг этого стола была гнетущей и напряженной. Кичжун обзывал сестру и при родителях, и в их отсутствие. Он ругал ее не за какие-то конкретные действия, а, скорее, просто по привычке – словно не мог себя сдерживать, как нельзя сдержать приступ боли или судорогу.

Как-то раз мы сидели за столом у них на кухне. Кичжун стукнул Хёчжин по голове.

– Дармоедка паршивая, – бросил он, проходя мимо нас к холодильнику. – Молоко мое ты выхлебала?

Он снова подошел к сестре и стал бить ее по голове. Хёчжин густо покраснела и опустила глаза, чтобы не встретиться со мной взглядом. Он отвешивал ей один подзатыльник за другим.

– Ну, я! Я выпила, и что? – закричала она, вскочив со стула.

Кичжун посмотрел на нее, потом перевел взгляд на меня и ухмыльнулся.

Их мать наконец отвлеклась от телевизора и зашла на кухню.

– То-то она разоралась! Ой, разоралась! Чего горло дерешь? – недовольно спросила она. – Нрав у тебя никудышный, разве ж кто к такой в женихи посватается?

С тех пор как Кичжун перешел в старшую школу, мать относилась к нему как к взрослому. Она не просто жаловала его, как равное себе существо, а прислуживала ему так, будто он превосходил ее по статусу. Кичжун отчитывал ее и кричал, будто считал своей подчиненной. Он выглядел точь-в-точь, как уменьшенная копия их отца – тот общался с ней точно так

же. В такие моменты она оценивала настроение сына и кротко улыбалась. Лишь потом я стала понимать, что эта улыбка служила выражением ее полного и неприкрытого повиновения.

Время шло, и я все реже приходила к ним домой. Меня саму Кичжун ни разу не обижал, но, когда он травил Хёчжин или грубил своей матери, я чувствовала исходящую от него неприязнь и по отношению ко мне. В его агрессивном поведении было что-то безобразное.

В четвертом классе мы с Хёчжин впервые стали учиться вместе. Несмотря на то, что творилось у них дома, в школе она блистала все ярче и ярче. В классе она резко выделялась среди остальных учеников. Она прекрасно училась, была хороша в спорте, отлично рисовала, но самое главное – обладала неким врожденным обаянием, которое притягивало окружающих. Попав в один со мной класс, в стенах школы она стала общаться со мной так же, как и с остальными подругами. Ее взгляд, ее реакции на мои слова казались мне такими же чужими и холодными, как и ее безупречный сеульский диалект. Но как только заканчивались уроки, она звонила в нашу дверь и болтала со мной, как раньше.

На одном из уроков нам задали подготовить рассказ о наших семьях и семейных девизах. Под приклеенной на альбомный лист фотографией фломастером я написала текст про нашу семью, добавила наспех придуманный мамой семейный девиз, упаковала лист в пленку и принесла в школу. Помню, как неловко я себя чувствовала, рассказывая о том, что и папа, и мама работают, а братьев и сестер у меня нет. Листок с рассказом о моей семье поместили на доску в классном уголке.

Хёчжин сделала отличный доклад. Если я дрожащим голосом еле-еле выдавливала из себя слова, то в ее непринужденном рассказе было столько остроумия, что одноклассники от смеха лупили парты. Демонстрируя листок с текстом о семье, она докладывала:

– Мы приехали из Чхильгока, с провинции Кёнсан-пукто. Дома все говорят на кёнсанском диалекте, кроме меня одной, – рассказывала она с выраженным провинциальным акцентом.

Слушая ее выступление, одноклассники рыдали от смеха. По ее рассказу таким родным, как у нее, можно было лишь позавидовать: прямодушный и незаурядный отец, безоговорочно любящая ее мама, веселый брат, который относится к ней, как к подруге.

Ее невозмутимое выражение лица ясно говорило о том, что она сама верила в свой рассказ – по крайней мере в тот миг. Ни один нерв на ее лице не дрогнул, пока она врала, и за это я ее презирала, но ничего другого, кроме как понять ее, мне не оставалось, поэтому я просто сидела и смотрела на ее выступление. Хёчжин закончила доклад словами о том, что раньше она не понимала, как все это ценно – любовь и внимание родных действовали ей на нервы. Но впредь она будет хорошей дочерью и хорошей сестрой.

Фотография, приклеенная к классной доске, выглядела так, будто на ней был запечатлен момент из жизни идеальной семьи. Со снимка из луна-парка смотрели четыре ослепительно улыбающихся лица. Хёчжин казалась самой счастливой из всех.

В тот год на зимних каникулах мы впервые стали брать в прокате манхва-журналы «Винк» и «Минк» и читали сборники Ли Миры, Вон Суён и похожих авторов. Огромные глаза персонажей блистали сиянием звезд, а сами они принадлежали прекрасным вселенным, бесконечно далеким от обыденной грязи и серости. Читая эти истории, мы словно отрывались от земли и уносились в гордый и волнительный мир старшекласниц.

Мы все реже и реже встречались у Хёчжин в гостях, и к тому времени я почти перестала приходить к ней. С тех пор, как Кичжун перешел в старшую школу, смех и громкие разговоры попали в их квартире под запрет. Вдобавок к этому я и сама сторонилась их дома с его тяжелой аурой. Как и раньше, раз в месяц у них собирались мужчины в заношенных костюмах. Они совершали поминальные обряды, но пьянствовать до ночи уже не могли: это мешало Кичжуну заниматься.

Как-то раз я встретила его по дороге домой. Правильные черты его лица вызывали симпатию, и выглядел он вполне миролюбиво, когда с застенчивой улыбкой уворачивался от в шутку задиравших его друзей. «Познакомься я с ним вне стен нашего дома, то наверняка первая в него и влюбилась бы», – подумала я тогда. В моей голове не укладывалось, как человек с таким добрым лицом может войти в дом и броситься с оскорблениями на мать и сестру, а потом еще и колотить ее, когда ему только приспичит.

А еще были ночи, когда моя мама плакала. Я слышала лишь, как включалась вода в ванной, и кто-то сморкался, но мне было известно, что почти каждую ночь мама плачет. Несмотря на молчание родителей, я смутно догадывалась, в чем причина.

Моя тетя, у которой было две дочери, спустя семь лет после замужества родила сына. Разговоры, которые, казалось бы, уже затихли, потому что мама слишком долго не заводила второго ребенка, после тетиных родов снова стали свободно и неприкрыто гулять между родственниками. Мама поздравляла тетю и умилялась новорожденным, но улыбка на ее лице была пропитана стыдом за свое положение.

– Ты должна хорошо себя вести, чтобы твоя мама родила сына, – наставляла меня бабушка на глазах у мамы.

Я почувствовала, что эти слова обижают маму, но сразу не нашлась с ответом и просто разозлилась на бабушку еще сильнее. Мама попала в тиски этой новой атмосферы. Смеясь над отсталыми взглядами соседки, в глубине души она уже согласилась с мнением старших о том, что сына нужно родить обязательно.

– Она сказала, что постоянно получались девочки, поэтому приходилось делать чистку. Да. Говорит, два раза чистилась. Говорит, что нужно было продолжить род хотя бы так. А дедушка-то души не чает в своем первом внуке... Да. Чуён уже спит...

Нет, я не спала. Разговоры о моем теплом прелестном новорожденном кузене были самым бессердечным и тягостным из всего, что я когда-либо слышала. В конце концов, таков был окружающий ее мир, хотя сама она всю жизнь вопрошала: «Да к чему этот сын?» Взрослые рассказывали мне, что нет на свете родителей, которые не любили бы своих детей, но даже эта истина не была непреложной. Те самые взрослые, которые учили меня никому не вредить и не брать чужое, ради того, чтобы занять сына, были готовы на все.

– Твой дедушка сначала даже смотреть на тебя отказывался, потому что ты девочка, – перед глазами снова и снова возникали ухмылки на лицах родственников, произносивших эти слова.

За запертой дверью Хёчжин били бесчисленное множество раз.

Летом в пятом классе я снова увидела, как Кичжун ее колотит. В тот день я зашла к ним домой, чтобы вернуть манхву, которую брала почитать. Их мать сказала, что Хёчжин у Кичжуна. Я открыла дверь в его комнату и увидела, как он, одетый в школьную форму, лупил ее по щекам, прижав к полу. Одной рукой он держал ее за ворот футболки, а другой бил по лицу, осыпая бранью. Хёчжин была миниатюрной, а ее брат отличался крепким телосложением. Не знаю, заметил ли он, что я вошла в комнату, но бить сестру не прекратил.

– Хватит, хватит! – Я попыталась оттолкнуть его от Хёчжин, но моих сил было недостаточно.

Я пошла в зал.

– Там Хёчжин брат бьет! Сделайте что-нибудь!

Мать с уставшим видом легла на диван и ничего не ответила.

– Хёчжин бьет брат, слышите?

– Значит, сама виновата.

– Что? – поразила я.

– Тебе, Чуён, лишь бы языком чесать. Старшой брат сестру наущает – ты-то тут при чем? Ну, саданет раз-другой, уж не очочурится она.

– Да вы что?!

– Хватит уже! Башка от тебя трещит!

Она прикрыла глаза, видимо, собираясь поспать. Я пошла обратно в комнату Кичжуна. Он стоял над скрючившейся на полу сестрой, пинал ее и продолжал ругать:

– Когда я на тебя смотрю, – он произносил по слову на каждый удар, – меня аж выворачивает, никчемная ты дармоедка!

Воздух в комнате дышал яростью. Вдруг что-то шелкнуло у меня в голове. В глазах побелело.

Я схватила со стола его игрушечного робота и швырнула об пол. Часть игрушки отвалилась и покатилась в сторону. Даже это не отвлекло Кичжуна от его занятия. Я взяла еще по роботу в каждую руку и запустила их в стену. Лишь когда они разлетелись на мелкие куски, он отпустил Хёчжин.

– Это что еще такое? – Он поднял с пола детали игрушек и посмотрел на меня.

Я нарочно швырнула на пол последнего робота. Их мать уже была в комнате и в недоумении наблюдала за мной.

– Совсем чокнулась? – вместо Кичжуна разозлилась она.

Кичжун был в полной растерянности. Я развернулась и пошла домой. Оказавшись в своей комнате, я обмякла, ноги подкосились, хлынули слезы.

В комнату вошла мама, и я рассказала ей все от начала до конца: о том, как брат все это время избивал и обзывал Хёчжин и как спокойно наблюдали за всем этим их родители. Пока мама слушала меня, ее лицо даже не дрогнуло.

– Не вмешивайся в чужие дела.

– Мам!

– Что изменится от того, что ты вмешаешься?

– Но мам...

– Тебе сегодня еще повезло, – мама скривила губы. – Ты ведь девочка.

Бросив на меня хмурый взгляд, она вышла из комнаты. Мама обманула меня. Она ведь сама говорила, что друзьям нужно помогать. Говорила, что нужно совершать добрые поступки. Обида на мамино равнодушие заглушала даже мою печаль. Обида, припорошенная чувством одиночества. Позже я слышала, что мама заплатила за сломанных роботов. Маленькой мне та сумма показалась заоблачной, и я не могла не почувствовать себя виноватой.

Вскоре мама бросила работу, на которой трудилась много лет. Впоследствии из разговора родственников я узнала, что уволилась она из-за беременности. Всю свою жизнь мама выслушивала упреки в том, что, зарабатывая деньги, она не уделяет внимания дому и ребенку. Теперь же, после увольнения, она была вынуждена терпеть пересуды о том, что сидит дома, ничего не делает и живет в свое удовольствие – и все это лишь благодаря ее толковому мужу.

После того происшествия родители Хёчжин запретили ей ходить к нам в гости, и мы утешались короткими и неловкими встречами во дворе или на школьной площадке. А осенью Хёчжин уехала обратно в Чхильгок.

От мамы я узнала, что отец Хёчжин прилично заработал в Сеуле и теперь собирался открыть в Чхильгоке свою автозаправку. Я ждала, что Хёчжин сама расскажет мне об этом, но она вела себя так, будто ничего не происходило. И лишь за два дня до отчисления она позвонила в нашу дверь и позвала меня на улицу.

Мы пошли в прокат и вернули все прочитанные комиксы, забежали в наш любимый канцелярский магазин поразглядывать наборы для писем и разные безделушки. На обратной дороге мы зашли на площадку и катались там на карусели. Когда сидела я, раскручивала

Хёчжин, а если садилась она, то раскручивала я. За все это время она не обмолвилась ни словом о переезде. Когда руки совсем пропахли железом и начало подташнивать, мы собрались по домам.

– Я приеду в гости на каникулах. Звонить не смогу, дорого.

– Тогда как мы будем?

– Я отправлю тебе письмо. Отправлю, как только приеду.

Я оттолкнула руку Хёчжин с оттопыренным в знак обещания мизинцем и в слезах пошла домой.

Мы обменивались письмами даже после того, как перешли в среднюю школу. Тогда я впервые начала писать. Я и раньше вела дневник для школы и записывала впечатления о прочитанных книгах, но осознала, что делала это принудительно, лишь начав сочинять письма для Хёчжин. На день рождения я отправила ей железных червяков и кассету, на которую записала с радио свои любимые песни. Но наша дружба по переписке с самого начала была обречена на скорый конец. Каждый день мы становились другими. Прошел всего год, но за это время изменились и наши лица, и наши тела, мы стали выше, начали по-новому воспринимать мир, и события годовалой давности казались теперь совсем далекими. Наша переписка прервалась с окончанием первого класса средней школы.

Я всегда считала, что мы с Хёчжин совсем разные. Глядя на нее, я радовалась, что мне повезло родиться не в такой семье, как у нее, и брезгливо наблюдала за тем, как она силилась сохранить свою гордость. Так я могла убедить себя в том, что нахожусь в более выигрышной позиции, чем она.

«Мама родила сына. Теперь и у меня появился братик, – рассказывала я в своем последнем письме Хёчжин. – Теперь мы будем самыми счастливыми. Мы...»

Уходящая ночь

Оказалось, что квартира у Чухи довольно большая: гостиная, просторная спальня, а в старой ванной комнате нашлось место даже для настоящей ванны. Свет проникал плохо, поэтому и в такой ясный день было темно, как вечером. Юнхи поставила чемодан у стены и стала осматриваться.

Интерьер был настолько скромным, что дом выглядел почти пустым. Предметов декора не было совсем, а из крупной мебели – только платяной шкаф. В зале стояли трехэтажная книжная полка и прислоненный к стене складной обеденный столик из пластика. На кристально чистом окне без штор не было ни единого пятнышка. С лоджии выглядывали пылесос и мусорное ведро, а сбоку от них висела чистая, будто полотенце, половая тряпка.

В небольшой рисоварке грелся рис, в холодильнике стоял прозрачный бульон с ростками сои, маринованный перец, тушенная в соевом соусе говядина и жареная кимчи – все любимые блюда Юнхи. Она поставила стол в пустынном зале, положила в тарелку рис, закуски и не спеша приступила к еде. Точно. Чухи ведь очень вкусно готовит. Она и забыла, когда в последний раз ела стряпню сестры. Юнхи с аппетитом съела полтарелки добавки и улеглась на пол. Но сестра на это наверняка сказала бы: «После еды нужно мыть посуду, иначе в корову превратишься», – поэтому Юнхи встала и принялась убирать со стола.

Чухи развелась год назад, примерно в это время. Право на воспитание ее пятилетнего ребенка перешло к бывшему мужу. Его семья нарушила договор и не давала ей видеться с дочерью, поэтому Чухи пришлось обратиться в суд по семейным делам, чтобы добиться права на свидания, и теперь она ожидала решения. Они сидели в небольшой лапшичной недалеко от станции «Сичхон»¹, когда Чухи, не торопясь, делилась этой историей. Добавив, что добьется встреч с ребенком любой ценой, она неловко засмеялась. Юнхи взглянула на ее лицо, не нашла, что сказать и молча отпила воды.

– Ну вот, снова я тебя расстроила!

Юнхи помотала головой. Все пять лет, пока Чухи была замужем, Юнхи училась в США и изо всех сил старалась не интересоваться ее жизнью. Она не считала, что имеет право высказываться о браке сестры, и не хотела смотреть на ее жизнь с разочарованием. Она продолжала вести себя так, хотя понимала, что это эгоистично.

¹ Станция метро, на которой находится мэрия Сеула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.